

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Из цикла «В отцы годится» №5: На круги своя

Жизнь Ильи Степаныча Сухорукова складывалась так, что к сорока пяти годам он все чаще называл себя неудачником.

Он старался, как мог, не выказывать это на людях, тщательно маскируя свое нытье. Да и не поняли бы его — сказали бы «зажрался». Или «кризис среднего возраста». Или еще что-нибудь обидное.

Для стороннего наблюдателя Илья Степаныч был вполне себе успешным чиновником, авторитетным, крепко сидящим в своем кресле. И только сам Илья Степаныч знал, на что он был БЫ способен, если БЫ... Но это неуловимое БЫ все никак не наступало. Все его прожекты сыпались один за другим, будто судьба говорила ему — «сиди и не рыпайся». У него не было ни семьи, ни детей. С женщинами Сухоруков никогда не ладил, и из всех объятий, в которых он побывал, ни одни не согрели его так, чтобы хотелось вспоминать о них сейчас, на пятом десятке лет.

И тем удивительней было то, как появилась в его жизни Илона.

Она числилась на побегушках в одном из нижних отделов его конторы. Случилась необыкновенная (хотя, с другой стороны, и вполне объяснимая) вещь: красотка Илона без памяти влюбилась в седеющего Илью Степаныча.

Если разобраться, в этом не было ничего странного: авторитет Сухорукова, его величественные спичи на планерках, его элегантный вид — все это вполне могло впечатлить молодые гормоны. А если учесть ещё и два важных обстоятельства — 1) женская логика, 2) восемнадцать лет... Как бы там ни было — факт оставался фактом: в свои сорок пять Иван Степаныч привлек внимание самой яркой из начинающих прелестниц города Питера.

И правда — Илона была не просто хорошенькой. Стоило понаблюдать за ней минуту-две, и казалось, что никакой Голливуд не сможет соперничать с этой гремучей смесью легкости и обаяния. Кожа у нее была матово-бледной и прозрачной, как и положено породистой финке, лицо — нервно-оживленное, по-детски заинтересованное, и на нем блестели зеленющие глаза, огромные, как у олененка. Свои длинные волосы она обесцветила до лунной белизны, и они казались седыми. Даже матерые чиновники, общаясь с ней, чувствовали вялость в языке, и голос их сам собой оплывал, как подтаявший маргарин. Илья Степаныч отнюдь не был исключением.

Каково же было его удивление, когда он заметил, что Илона сама пугается и краснеет при их встречах (а краснела она ослепительно, как розовый прожектор). Он удивился еще сильнее, когда понял, что она заглядывает к нему в отдел по пятьдесят раз на дню. А когда шеф всерьез спросил, как у них дела — тогда-то Сухоруков и призадумался.

Все решилось в короткий срок. Хихикающие коллеги вытолкнули Илону под ливень, и та оказалась рядом с машиной Сухорукова. Пришлось везти ее домой. Так начался этот томительный вечер, который привел к неожиданной (хотя и вполне предсказуемой) развязке: — Ты уверена? — спросил Сухоруков, не зная, что сказать поумнее. Ответом ему была виноватая улыбка, сиявшая сквозь мокрые локоны.

— Что, и замуж за меня пойдешь?

Он шутил с ней, прячась, как страус, от ее признания. И только через пять минут осознал, что сделал этой необыкновенной девушке предложение, и она приняла его. А через полчаса... нет,

в такое и поверить невозможно.

Но это был не сон: он в самом деле целовал ее соски, настоящие горячие сосочки, торчащие тугими бутонами врозь, и сходил с ума от красоты и юности ее тела, и потом в самом деле, В САМОМ ДЕЛЕ выебал ее, блядь, выебал нахуй этого нежного олененка, это зеленоглазое чудо-юдо прямо в ее масляную дырочку, влив туда многолетний запас спермы...

Нежданный секс так впечатлил Илону, что та ревела навзрыд, и Илья Степаныч долго не мог ее успокоить.

Через месяц они расписались. Это был какой-то нелепый розовый гламур: вдруг, на ровном месте судьба отвалила Сухорукову подарок, о котором тот не смел и мечтать.

— А с другой стороны, — думал он, — может, это награда? Компенсация, так сказать, за многолетнюю лажу?

Свадьба получилось скромной: от жениха было человек десять, включая шефа, от невесты — только ее мама, моложавая и тоже очень красивая женщина, прибывшая из Карелии. Она разоткровенничалась с зятем и рассказала ему, что «наша Илька не от мира сего» и «умеет всех удивить». Полгода назад она вдруг пропала, а потом пришла голышом, изможденная и израненная, и объяснила, что ходила купаться в лесном озере. «Вот и к вам пристала, хотя вам уже пора и внуков...» Сухоруков слушал ее и думал, что все тещи одинаковы, даже если они моложе тебя.

Она называла свою дочь Илькой; забавно, но так звали в детстве и самого Илью Степаныча. «Видимо, все-таки судьба» — думал Сухоруков, и думать об этом было очень приятно. Он так и стал называть свою жену, и ему казалось, что его Илька — это в каком-то смысле он сам, маленький мальчик Илька, ставший почему-то девочкой.

Вещей у Ильки было меньше, чем у Сухорукова папок: дорожная сумка да авоська с теплыми вещами, переданная мамой. Помогая Ильке растыкать шмотки по его шкафам, Сухоруков застал ее с какой-то странной штуковиной в руках, потертой и древней на вид.

— Что это у тебя? Мощи Тутанхамона?

Илька смутилась и спрятала штуковину в сумку.

— Да так, талисман какой-то, — говорила она, будто оправдываясь.

Илья Степаныч понимающе кивнул: с этими деревенскими мамами беда, особенно в Питере. Поэтому он не стал просить Ильку — «покажи!» — а тактично дождался, когда она выйдет, и сам влез в ее сумку.

Как и все солидные мужчины, Илья Степаныч был до чертиков любопытен. Штуковина оказалась именно тем, о чем сказала Илька — облезлым талисманом пещерного вида. Это была деревянная дощечка, на которой был изображен непонятно кто, обвитый неуклюжими узорами. «Небось что-то тибетское» — думал Сухоруков.

К дощечке была приклеена бумажка с какими-то цифрами, написанными шариковой ручкой. «Наверно, инвентарный номер. А талисман-то, похоже, куплен в сувенирном ларьке...»

Вернулась Илька, и он еле успел спрятать его в сумку и повернуться к ней с сияющим видом. Солидный мужчина скорей признается в преступлении, которого не совершал, чем в любопытстве или каком-нибудь другом несолидном грешке.

Казалось — вот только вчера ему рассказали про Ильку, и голодный хуй Ильи Степаныча еще ноет от вторжения в ее тело... но календарь упрямо показывал, что они женаты уже целый месяц. Два месяца. Три. Полгода...

За все это время Илька так и не смогла перестроиться и по-прежнему называла своего мужа по имени-отчеству, на «вы»:

— Илья Степаныч, а можете мне... чтобы еще разик кончить?

— Тамбовский волк тебе Илья Степаныч, — рычал Сухоруков, снова и снова окуная Ильку в ее густое стыдное счастье, и она барахталась там, как в сливочном креме. Ее выканье нравилось Илье Степанычу, чего уж там: он чувствовал себя матерым развратником, соблазненным лапочку-воспитанницу, или падчерицу, или... (мало ли чего навоображает себе возбужденный мужик).

Он смертельно боялся, что Илька разочаруется в нем, и обращался с ней как с принцессой на горошине, упреждая каждый ее чих. Илька была счастлива. Когда они отмечали полгода своего брака (ресторан, сауна на двоих и много-много секса), Сухоруков заметил:

— Слушай, а ведь мы еще ни разу не поругались. Как это у нас получилось, не знаешь?

Он не знал, любит ли он ее, и не хотел об этом думать. Он вообще не знал, как все это называется. Когда тебе дарят такое чудо — как-то не думаешь о названиях.

Он таял и млел от Ильки. Он заставлял ее ходить дома голышом, и та вначале стеснялась, а потом распробовала и прикрывала голые сиськи-письки только для улицы. Он обмазывал ее медом, вареньем и сладким кремом, вылизывал ее, липкую и блестящую, и потом не позволял мыться, чтобы она липла к нему, как конфетный фантик, и говорил ей — «моя липучка». Он наряжал её, как куклу, и заплетал ей косички с бантиками. Он лопался от стыдного умиления, накрашивая Ильку её косметикой, как малолетние модницы намазюкивают друг дружку. Чем дальше — тем сильнее ему хотелось похвастаться голой супругой перед другими, но он стеснялся об этом говорить. Засыпать он повадился на Илькином плече, обхватив ее попку — иначе ему не спалось. Однажды, обнаружив, что Ильки нет в кровати, он подскочил в дикой тревоге — и, когда она вернулась из туалета, уткнулся в нее, как мальчишка, оплывая от счастья. Тогда-то Сухоруков и осознал этот простой факт: «я влюблен в свою жену, как малолетний пацан». Конечно, на работе шептались о том, как его окрутила малолетняя писюшка, но ему было все равно. Конечно, за ней толклись табуны мужиков, но он не ревновал или старался не ревновать — слишком явно Илька была заиклена на нем. Просто она втюрилась, как бывает с глупенькими девчонками, и по правилам ничего не должно было получиться, — но иногда правила дают осечку. Просто звезды так сложились. Просто ей и ему случайно повезло... Просто повезло...

К весне Илька стала какой-то беспокойной. На все вопросы Ильи Степаныча («проблемы с учебой? что-то болит? беременность?») она отнекивалась.

Наконец он выяснил, что Илька затосковала и хочет куда-нибудь с ним уехать.

— Что ж ты раньше молчала? Конечно, тут сдуреть можно: дом-работа-учеба... и вся эта круговерть давит... — засуетился он, хоть сам прожил в Питере все свои сорок шесть, никуда не выезжая. — Ты в своей Карелии к тишине привыкла, к просторам... Хочешь на север? Обсудив, кому куда хочется, они выяснили, что оба хотят в одну из жарких стран.

— Ну вот и круто. Как раз еще есть время найти недорогой тур и...

— Нет, вы не поняли меня, Илья Степаныч! Я хочу сейчас, вот прямо сейчас! Сегодня-завтра! Делать было нечего. Взяв недельный отпуск «по семейным обстоятельствам», Сухоруков потрянул кредиткой и принялся искать туры «на сейчас».

Следующее утро они встретили на берегу южного моря.

Прибой, солнце, пряный воздух, невиданные лица и здания — все это казалось еще невероятней, чем голая Илька в постели. Улица звала к себе, и Сухоруков даже не приставал к жене — так хотелось поскорей туда, в гуцу незнакомой жизни, и непременно с ней, с Илькой. Он старался, как мог, держать марку солидного мужчины, но в первые же полчаса марка куда-то испарилась, и он носился, как шкет, с фотоаппаратом, снимая людей, витрины, пальмы и Ильку на фоне всего этого. Она произвела фурор, к ней зверски приставали, и гордый Сухоруков фоткал Ильку с ухажерами, время от времени целуя ее в засос, чтобы все видели, чья это сhica. Она была в таком же экстазе, и они даже немного побегали по набережной, как малолетние кретины.

— О, чуешь? Наши в городе! — сказал Илья Степаныч, услышав русскую речь... и остолбенел, увидев перекошенное лицо Ильки. — Что такое? Илька, в чем де...

— Ничего... Пойдем вон туда! — бодро сказала Илька и потащила его прочь от группы соотечественников. — Вон в ту улицу, а? Пойдем? Там, наверно, прикольно...

— Чего ты так испугалась? — допытывался Илья Степаныч, тащась за ней. — Тут вообще-то трущобы какие-то пошли... Давай назад!

— Нет! Мне интересно, куда эта дорога выведет, — упрямо говорила Илька и тащила его дальше.

Улица сужалась и грязнела. Вокруг мелькали морды одна гнуснее другой, и Сухоруков крепко держался за фотоаппарат. Все это ему нахрен не нравилось, и он собирался во всем разобраться, как только переведет дух.

— Уффф, — Илька замедлила шаг, а потом и остановилась. Она устала. — Давай передохнем, а?

— Ну, и к чему была вся эта гонка? — начал было Сухоруков, но тут из ближайших дверей вырос усатый громила и ласково обнял их обоих, что-то бормоча по-испански. У Ильи Степаныча екнуло в животе.

— No Spanish, English only, — сказал он.

Громила никак не отреагировал на это. Из-за угла появились двое других. Илья Степаныч лихорадочно озирался по сторонам: прохожих не было.

— Хэлп! — крикнул он и осекся: троица оглушительно заржала.

Илька была бледной, как ее волосы. Один из громил крепко обхватил заледеневшего Сухорукова, двое других обступили его жену и наперебой галдели что-то, дергая ее за одежду. Появился четвертый. Илья Степаныч хотел позвать его на помощь, но понял, что он из той же компании.

— Раздеться, — сказал тот Ильке по-английски. — Мы не делать ничего плохо, мы только смотреть и немножко трогать, ха-ха.

Илька посмотрела на Илью Степаныча. Того крепко обнимал усатый.

— Если я убегу, они вас убьют, — сказала Илька, снимая маечку.

— Ты не убежишь, — сказал Сухоруков. — Уж лучше я...

— Я очень быстро бегаю. Они не догонят меня. Но я боюсь за вас...

— Раздеться! — рычал громила-полиглот, дергая ее за джинсы.

— Если ты совсем разденешься, ты их возбудишь, и они побегут за тобой, — вдруг сказал Илья Степаныч. Ему самому стало страшно от того, что он сказал.

Илька уже была в одном белье. Громилы смачно щупали ее. Кинув в Сухорукова еще один отчаянный взгляд, Илька сняла купальник, а затем и плавки, оставшись в одних кроссовках.

Гогочущая компания лапала ее в шесть рук.

— Внимание! — крикнул Илья Степанович по-английски. Те повернулись к нему. — Это моя жена, и я категорически возражаю...

— Ты очень глупо кричать, — сказал ему полиглот, — и я ебать тебя в рот.

Четверка загоготала еще громче.

— Это нарушение международных норм! — продолжал орать Илья Степаныч. — Вторжение в личное пространство...

Вдруг голая Илька с силой толкнула двух громил и вырвалась вперед. Три кенгуриных прыжка — и она скрылась за углом.

Те не сразу опомнились, а опомнившись — кинулись ей вдогонку. Усатый побежал с ними, оставив Илью Степаныча, который резво юркнул в ближайшую подворотню. Краем глаза он успел заметить, что кто-то из громил развернулся, увидев его бегство, — и припустил, как в школе, когда гонял с пацанами «квача».

Подворотня неожиданно вывела к морю. Сухоруков бежал в том направлении, куда, как ему казалось, должна была выбежать Илька, — и вскоре увидел ее. Она уже была совсем далеко, и за ней гнались громилы, безнадежно отстав от голой белоголовой фигурки. Илья Степаныч шумно выдохнул и остановился.

Нужно было, во-первых, отдышаться, а во-вторых, не попасться на глаза громилам. Он перешел на теневую сторону набережной и двигался, прижимаясь к стенам, как шпион. Отставшие громилы повернули обратно и прошли мимо, не заметив его. Сердце скакало в груди, как бешеный заяц, и никак не хотело успокаиваться, и Илья Степаныч все никак не мог прибавить скорость, чтобы нагнать Ильку, которая давно пропала из виду. В свои 46 он был в паршивой форме и впервые в жизни ругал себя за это.

Он брел долго, долго, пока наконец не разглядел в волнах белую голову.

— Илькаааа!..

Она отозвалась, и Илья Степаныч полез было в воду, но обнаружил, что под шортами у него нет плавок. Забыл надеть, когда спешили на прогулку.

«Ну и что, она все равно голая», внушал он себе — и внушил: сбросил тряпки на песок и вбежал голышом в теплые волны.

Они встретились метрах в тридцати от берега. Волны плюхались не выше груди.

— Иииилька! — он обхватил ее и попытался поднять в воздух, но вместо того упал в воду сам.

— С тобой все хорошо? С вами все хорошо? — спросили они одновременно, засмеялись и снова обнялись.

— Ты что, чемпионка по бегу? — спросил Илья Степаныч.

— Ага! Как ни странно...

— Чего? Мира?

— Нет, всего лишь поселка Лоухи... Но мне этого хватило... Ииииии!

Счастливая Илька повисла на шее у Сухорукова, бодая его грудями.

Это и правда было удивительноони вместе, что они голые и им так хорошо. — Как пойдём обратно? — спросил Илья Степаныч, когда они наплескались и навизжались. — Ты же совсем голенькая у нас...

— Не знаю. Может, вы мне дадите что-то одеться?

— У меня плавок нет, только шорты и футболка. Она тебе как раз до самого интересного места... Что ты чувствовала, когда бежала голышом?

— Если честно — ничего. Только желание увести их за собой от вас. Я еще останавливалась и дразнила их...

Сухорукова кольнула в нервы какая-то заноза, которая называлась, может быть, совестью, а может, и как-то иначе. Он обнял Ильку за бедра, и они вышли на берег — на глаза компании граффитистов, расписывавших набережную.

Илья Степаныч сразу ощутил срамную щекотку там, где должны были быть трусы, и одеревенел. Илька тоже застыла.

— Да, вот теперь я чувствую все, что полагается, — шепнула она ему. — Жесть, никогда не думала, что будет так.

Граффитисты так заинтересовались ими, что повернулись спинами к своему шедевру. Вряд ли они впервые видели голых на этом берегу, — вероятно, дело было в Ильке, на которую и в одетом виде пялилось всё, имеющее глаза. Нагота действовала на нее совсем не так, как на Сухорукова: она гордо приосанилась, выпятив грудь.

— Хай! — помахала она граффитистам.

Сбылась заветная мечта Ильи Степаныча: его жену видели без всего.

У него даже голова закружилась. Какое-то невероятное, безразмерное везение, которого он не заслужил, уберегало его от опасностей и дарило мечту за мечтой...

— У меня идея, — крикнул он Ильке. — А что если мы попросим их тебя раскрасить? Будет бодиарт! Раскрашенное тело — это уже не голое, так и по городу можно... А?

Илька сопротивлялась минуты три. Потом ее обступили взбудораженные граффитисты, вытерли насухо тряпкой, облапав все тело, и стали поливать из своих баллончиков — с трех сторон сразу. Илька завизжала (краска была холодной) и сразу превратилась в черно-красно-желтое нечто, меняющее цвет на глазах. Ей выкрасили и лицо, и волосы, и выпуклую ее раковинку... Илья Степаныч стоял и мял хозяйство под шортами, надеясь, что никто не видит.

Потом, когда ее покрыли десятью слоями, превратив в мерцающего посланца иных миров, и нафоткались с ней досыта, — гордый Илья Степаныч взял Ильку за черную руку, и они пошли в гостиницу.

Каждый миг этого пути откладывался незабываемым калейдоскопом в их памяти. Они почти не говорили, полные взглядами прохожих, которых, как на грех, было много. Голую Ильку фоткали, окликали, а иногда и хлопали по попе, если дотягивались. Она шла пружинисто, гибкая и ладная, как пантера, и действительно походила на зверя, выкрашенная черной краской с цветными разводами. По шортам у Сухорукова торчала пушка, и он не знал, куда ее прятать.

Выход был только один:

— Илька, — просительно окликнул он, вывалив хозяйство. Вокруг никого не было: они зашли в тупик.

— Нет, неет... я так не могу, — мотала Илька своей черно-алой головой и пятилась от него. Но зеленые глаза кричали «да», и Сухоруков просто взял ее между ног. Там было липко, как в середине персика.

— Нееет, — мурлыкала Илька, раздвинув ноги, а он дрович ее, размазывая соки по черной коже. Потом шепнул — «раком!» — и Илька, бросив отчаянный взгляд назад, опустилась на мостовую.

Их могли заметить в любой момент. К ним могли зайти, и им негде было бы прятаться,

некуда было бы бежать... Они оба это знали, — и потому Илья Степаныч кончил, не сделав и десяти толчков, а Илька — чуть позже, когда он сунул в нее дрожащую руку. Она корчилась и извивалась на коленях, насаженная на его пальцы, а Сухоруков мял ее изнутри и слушал в себе след цветного фейерверка...

— Как я пойду теперь... обкончанная? — причитала Илька, и выхолощенный агрегат Ильи Степаныча томительно отзывался на это слово.

Потом они все-таки дошли до своего района. Это было и слишком долго, и слишком быстро: хотелось, чтобы их путь не кончился никогда.

... Но он кончился. Раз и навсегда.

— Смотри! Вот он, сука! — раздалось откуда-то по-русски.

Илька вскрикнула и больно рванула руку Илье Степанычу — «бежим!» — а тот застыл, как гипсовый — «куда? что такое опять, Илька?» — пока их не окружили незнакомые рожи.

Илька выла в ужасе и тащила Илью Степаныча невесть куда, а тот ничего не понимал, — но им уже не давали уйти.

— Говорил я тебе, Вася — долги отдавать надо, — подошла к нему одна из рож, наверно, главная.

— В чем дело? Кто вы та... — закричал Илья Степаныч и осекся: на него смотрел ствол.

Следующий миг слепился из невозможных клочков, которые сознание потом пыталось разобрать, как склеенные карты, и не могло отодрать одну от другой. Ствол выстрелил; Илью Степаныча что-то толкнуло, и он повалился на асфальт; на него завалилась Илька, и он не понимал, почему она на нем, и почему ему не больно, пока не увидел, что алая краска у нее на голове блестит и стекает ему на грудь.

— В девчонку попал... Добей фуфлыжника... Стоп... Татуха... Нет татухи... Обознались... Сваливаем... — доносилось откуда-то, а он все смотрел на пятно алой краски и пытался понять, и не мог, но все равно пытался...

Прошло две недели. Сухоруков ни с кем не обшался, уволился с работы и жил на сбережения, которых могло хватить на год или два.

Целыми днями он рассматривал Илькины фото и перебирал ее вещи, которые так и остались жить в его квартире, — он не смел выбросить даже этикетки от ее колготок. Ночью он громоздил гору подушек, ложился на нее щекой и представлял, что это Илька. Он отпустил бороду, перестал мыться и вонял старым козлом. На улицу он не выходил, заказывая еду по интернету.

Однажды, роясь в Илькиной сумке, он снова наткнулся на тот самый талисман.

— Не уберег он тебя, — думал он, вертя в руке дряхлую дощечку с изображением какой-то фигуры, обвитой орнаментом. Он никогда не интересовался такими вещами — но все, связанное с Илькой, он старался смаковать, высасывая из ее вещей времяпровождение на сутки и недели.

Ему вдруг показались знакомыми цифры на бумажке, приклеенной к талисману. Он не знал, что это, но ему вдруг почудилось, что где-то он видел именно такую форму записи.

Он пробил цифры в яндексе...

И долго пялился в экран: тот показал ему сине-зеленую карту с лесами и озерами. Рядом желтел поселок Лоухи.

Цифры оказались GPS-координатами. И они показывали на остров, затерянный в огромной

озерной сети на Илькиной родине.

Илья Степаныч паялился на него, пока не заболели глаза. Потом откинулся и стал думать. Он уже разучился это делать, но повод того стоил.

Это не могло быть случайностью. GPS-координаты с их точностью до 5 метров не используют для приблизительных указаний. Имелся в виду именно этот остров, одинаковый среди сотен таких же островов необъятного озерного края. И даже именно эта точка на острове.

Что там могло быть?

Здесь был тупик, и Илья Степаныч зашел с другой стороны. Илька как-то знала, что его должны убить. Она знала бандитов, знала, что они обознаются и примут его за своего должника Васю. И она умерла вместо него.

Здесь тоже был тупик. Эти два тупика на первый взгляд никак не были связаны друг с другом. Но само наличие второго тупика было крохотным, мизерным обещанием найти выход из первого.

А из первого выхода не было. И Ильки тоже не было, и после похорон на губах Ильи Степаныча до сих пор стыл привкус ее холодного, как кафель, лба.

Но остров был. И единственное, что мог Илья Степаныч — узнать, что там на нем.

Он снова взялся за карты. Трасса проходила в трех десятках километров. Дальше — пешком по лесу.

Илья Степаныч никогда не ходил в походы. Но, в конце концов, у него было полно времени.

На берегу лесного озера захрустели сучья.

Из чащи выбрался человек. Он был навьючен, как верблюд, и он устал, как собака. Он вышел ранним утром, но к озеру все равно поспел к закату, — впереди была ночевка в лесу. Машина его осталась на далекой просеке в 25 километрах к востоку... впрочем, сейчас это было неважно. Сейчас нужно сориентироваться, найти нужный остров, соорудить лодку и не перевернуться в ней.

Лодка была надувная. Он пять раз надувал и сдувал ее на Гребном канале, но тогда не было такой усталости. Ноги отказывались давить на насос, и он присел, отгоняя комаров, которые жрали его, несмотря ни на какие реппеленты. Потом все-таки встал и надул лодку.

Пока он выплыл к нужному острову, глядя в смартфон с GPS-ом, солнце успело закатиться за сосны. Сырой воздух звенел комарами.

«Заночую на острове. Так даже лучше. Меньше зверья», — думал он. По дороге он успел сто раз проклясть свою затею и обзвать себя дураком — но теперь было поздно. Третий остров, к которому он подплыл, был тем самым.

Уже стемнело, — пришлось включить фонарь. Комарье ринулось к нему, и казалось, что рядом включилась невидимая болгарка. Оставив фонарь подальше, Илья Степаныч сдул лодку (так требовали правила безопасности), упаковал ее в твердый футляр, сложил у валуна, навьючился и пошел искать то место.

Оно было рядом. Там высились две скалы, единственные на острове. Сухоруков понял, что это именно то место, даже не глядя в свой смартфон. Он не волновался: усталость вышибла все чувства. Он просто не знал, что там будет. Наверно, ничего не будет, думал он. По крайней мере, сегодня. Разобью палатку и заночую, а утро вечера мудренее.

Между скалами было нечто вроде скамьи, грубо стесанной по горизонтали. Это уже совсем интересно, думал Сухоруков. Жертвенник? Священное место древних финнов?

Подойдя к скамье, он сделал то, что было естественно в его случае: присел на нее. И понял, что встанет отсюда очень нескоро.

Он снял рюкзак. Фонарь высвечивал корявые лапы елей и живую ртуть комарья, пляшущего в белом луче. Потом Сухоруков зачем-то достал из рюкзака талисман. Почему-то он подумал, что его здесь нужно достать, а почему — и сам не знал.

Он сидел с талисманом и вертел его в руках. Просто сидел и вертел. Вокруг ныло комарье, хлюпала вода, гудел слабый ветер в соснах — тысячи звуков тишины, если к ней прислушаться. Больше никаких звуков не было.

И в какой-то момент он просто почувствовал, что он не один.

Страха не было, было просто это чувство. Оно заставило его обернуться в одну, в другую сторону, мотая фонарем.

И тогда он увидел ее.

Она сидела на той же скамье. Древняя, как камень. В одежде, как из музея. И смотрела перед собой, не видя ни его, ни фонаря.

Страха не было. Сухоруков, оказывается, давно знал, что будет что-то такое, и был готов. Он даже не пытался понять, откуда здесь эта старуха, зная, что этого не может быть, и просто не надо в это вникать.

— Здравствуйте, — на всякий случай сказал он. Прозвучало смешно, но было не до шуток.

— И ты здравствуй, — ответил голос, скрипучий, как ветки сосен. — Я ждала тебя.

— В самом деле? — переспросил Сухоруков, как дурак.

— Талисман не обманет, выведет ко мне. На то и создан.

Они помолчали. Сухоруков чувствовал, что мерзнет, но не от холода, а от ледяного тока, идущего от старухи.

— Знаю я, зачем пришел, — сказала она.

Сухоруков и сам не знал, зачем он пришел, и снова промолчал.

— Стало быть, она сгинула вместо тебя?

Этого он не ожидал.

— Откуда вы знаете? — крикнул он.

— Судьба моя такая — знать, — скрипела старуха. — До тебя она была здесь. Седая, как я.

Сидела вот там, где ты сидишь.

— Что?

— Плакала, что тебя убили. Оттого и поседела вмиг. А я что? Талисман есть талисман. На то он и сделан.

— Как это — «меня убили»? — раздумчиво переспросил Илья Степаныч.

— Так. Всяк думает, что он в первом и единственном круге живет. А этих кругов больше, чем звезд на небе. Когда тебя убили эти разбойники, которые спутали тебя со своим подельником, она пришла ко мне. Как ей талисман достался — не знаю, и не моя это печаль. И я вернула ее, как и положено, на год назад.

— На год назад? — повторил пораженный Илья Степаныч.

— Таков уговор. Предупредила я ее, что от судьбы трудно уйти, но уговор выполнила. Не ушла от судьбы, стало быть... Кто ее убил? Разбойники? Вместо тебя, коли ты здесь сидишь?

— Да, — прошептал Сухоруков.

— Отчего не увела тебя на край света, не схоронила от них?

— Схоронила, — сказал тот, едва владея голосом. — Но они и там меня нашли.

— Искали тебя?

— Наверно, нет. Случайно...

Старуха кивнула.

— Трудно от судьбы уйти. И тебе будет трудно. Великим героям удавалось это... ну, а мое дело

— дать то, что талисманом обещано.

— Вы вернете меня на год раньше?

— Ты уже там.

— Как?

— Так. Прощай. Желаю тебе не возвратиться сюда.

— Кто вы?

— Место, где милая твоя родилась, знаешь, а меня не знаешь. Все забывают люди...

Старуха пропала.

Он еще не видел этого, не светил фонарем в нее, — но он знал, что ее нет.

Посветив и убедившись, он какое-то время сидел на скамье. Воздух понемногу оттаивал от каменного холода, исходящего от старухи.

Потом он громко сказал в никуда — «спасибо вам!» — встав на всякий случай на колени. В ответ ему скрипнула ветка, уронив пару шишек.

«А может, это бред? От усталости и горя?» — думал он. — «Сейчас поем, разобью палатку, а утром видно будет...»

Кое-как соорудив себе ночлег (он делал это в Питере сто раз, но сейчас все шло вкривь и вкось), Сухоруков влез в спальный мешок и отключился.

Его разбудили птицы.

Пока он вылез из мешка (это заняло, наверно, целый час), они так раззадорились, что хотелось прикрыть уши.

Над островом плыло туманное озерное утро.

«Ну что?» — думал Сухоруков. — «Бред это или нет, а пора назад. Который у нас там час?»

Он достал смартфон. 6.10. Чертова рань... но это хорошо.

И вдруг его что-то кольнуло. Что-то на экране.

Он глянул туда снова — и пялился минуту или две, пока не понял:

5 июня 2015 года.

При любых обстоятельствах он подумал бы, что сбилась дата (нажалось что-то, мало ли) — но сейчас...

Оледеневший Сухоруков прошелся к воде. У этого камня он оставил лодку...

Лодки не было.

В груди екнуло ледышкой. Кто-то спер. Просто нагло спер его лодку ночью, пока он спал. Растерянный Сухоруков вернулся к спальному мешку...

Мешка не было.

Секунду назад был, а теперь не было. И рюкзака не было. И еды. И всего.

Он сел в мокрую траву.

«Или я сошел с ума, или... Или я действительно в прошлом, и все предметы из будущего реальны до тех пор, пока... пока я их вижу или трогаю».

Он обдумал свое положение. До берега — метров семьсот, а то и километр. Плавает он, в

принципе, неплохо, вот только вода ледяная... И он не переправит на тот берег одежду и смартфон. Он выйдет туда голым, и его будут жрать комары, и он будет блуждать по этому проклятому лесу, не зная дороги... И машины у него тоже не будет. Потому что в 2015 году никакой машины ни на какой просеке здесь не было.

Зато, если он справится, у него будет Илька. Живая. Она уже у него есть, только далеко. И она еще этого не знает.

Стоп.

Он даже закрыл глаза, чтобы додумать эту мысль до конца.

Если Илька здесь была — значит, она все это сделала. Она все это смогла. Она переплыла озеро, выбралась из лесу, вернулась в Питер, нашла там его...

Если она все это смогла ради него — значит, и он сможет. Ради нее.

Нужно только две вещи. Первая — хорошенько изучить карту, пока она доступна.

Вторая...

Раздеваясь, Сухоруков достал талисман и крепко привязал его к телу ремнем от рюкзака.

Больше он не взял ничего — не было смысла.

Подойдя к воде, он сунул туда большой палец. Поежился.

«Она смогла», — напомнил он себе. И осторожно, маленькими шажками вошел в воду.